В канун Дня Победы на зданиях школы № 37 и треста «Киселевскуголь» — здесь размещался военный госпиталь в тыловом Киселевске — установлены мемориальные доски. И теперь, когда прохожу мимо, кажется: каждый из нас приостанавливает здесь бег свой, чтобы прислушаться, не стонут ли раненые бойцы Красной Армии; чтобы почувствовать тяжесть исцеляющего труда киселевских медиков. Но, как было тогда, сорок с лишним лет назад, в этих стенах?

В городских архивных документах дни и ночи борьбы за восстановление здоровья солдат и возвращение их на поле брани не существуют. И очень скупо подтверждается факт из истории Киселевска — одной лишь записью, имеющейся в военкомате: госпиталь за номером таким-то размещался...

А память народная (Г. А. Колоколова — секретарь горздравотдела, А. Н. Диденко — лебедчица шахты «Киселевская» подсказали мне начало поиска), да судьбы тех киселевчанок, что жили в эти милосердные дни и ночи, этот живой документ — куда там архивным... Надо только успеть проторить дорогу и к памяти, и к судьбам...

И боль, и слезы, и — ЖИЗНЬ...

— ГОД И ЧЕТЫРЕ месяца отработала в госпитале.

Это говорит Н. В. Григорьева (Аксенова), «развернувшая» в нем клиническую лабораторию — «глаза» врачей. Будут ли глаза эти зоркими, правдивыми, внимательными — это зависело теперь от нее, Натальи Васильевны, довоенной выпускницы киселевской школы медсестер. И сколько же душевных и физических сил потратила она, если то ее дело остро живет в ней и по сей день. всего-то на три дня ошиблась — год, четыре месяца и три дня Наталья Васильевна, первая из всего медперсонала узнавала, исследуя кровь, как чувствует себя раненый красноармеец...

Мне кажется: трудовой книжке Григорьевой самое место в создаваемом музее истории города. В ней — эмоциональное подтверждение фактического: кровью и стонами вошла война в далекий от линии фронта сибирский городок. «17 сентября 1941 года — уволена из киселевского горздравотдела ввиду ухода в ряды РККА. Заведующая горздравом Бабенко». Запись от того же дня: «Зачислена в эвакогоспиталь».

«20 января 1943-го — уволена в горздрав в связи с реэвакуацией госпиталя. Военврач II ранга Шуранов».

Вот с этих записей можно было бы вести счет дням и ночам киселевского милосердия. Но Анна Григорьевна Матвеева, операционная сестра госпиталя, отодвигает их на месяц с небольшим назад — она была мобилизована еще раньше — 15 августа: медики города начали готовить первые из запланированных на Киселевск 1200 коек для раненых больных.

— Телеграмму получила: подготовить «белую» больницу под госпиталь. Через месяц школа № 14, трест, больница, школа № 9, горисполком были готовы к приему красноармейцев. Как тогда хватало сил на все?

НАСТАСИЯ Максимовна Бабенко, заведующая горздравотделом в годы войны, — знающие ее горожане и по сей день зовут эту женщину «железной» — боится выказать слезы свои, и видно потому вздрагивают плечи ее, так умело и достойно несшие груз ответственности перед Красной Армией.

Уж сегодня-то весь мир знает, как тогда хватало сил у советских людей на все это: слово «надо» было для них святым. Надо!

Это еще до войны было. Наташу Аксенову, хорошего лаборанта, срочно вызвали в поездку с целью профилактики болезней по деревням киселевского района. И она, оставив грудную дочь на присмотр мужу, выехала в самое пекло эпидемии ящура. Александру Лапину в первые дни войны на призывном пункте спросили, готова ли защищать Родину. Она ответила: «Да!». Бабушка чужая осталась с двумя ее детьми — двух и четырех лет. Отправку на фронт задерживали. К Александре на пункт приводила старушка ее детей, чтобы еще побыть им вместе. Потом медсестра Лапина запретила делать это — мобилизованные, глядя на мимолетные встречи матери и детей, крепко страдали по своим, оставленным...

И вот еще что питало силы медиков — они были не одиноки в выполнении приказа открыть госпиталь. Киселевчане, узнав о нем, несли — кто салфетку вышитую, кто тумбочку, кто цветок. С каким чувством гордости за человеческое бескорыстие вспоминает А. М. Бабенко:

— Женщины красили койки для раненых прямо на площади у школы — и все без копейки в ответ.

— Что значило для городского здравоохранения открыть госпиталь? — продолжает она. — Нас, медиков, отвечающих и за здоровье мирного населения, как будто высадили в степи. Отдав «белую» больницу, в которой горожане лечились с 1935 года, здравоохранение перешло снова в бараки.

Каким оно было у нас накануне войны? Можно ли было надеяться, что в Киселевске раненые бойцы будут поставлены на ноги и вновь вернутся на поле брани? У меня в руках записки-воспоминания палатной сестры госпиталя Т. Н. Смирновой. Да и она сама, уже 70-летняя бабушка, сидит рядышком, сохранившая на зависть молодым потребность жить творчеством. Например, «был ты, родной поселком — много грязных дорог на пути. А медсестра торопливо шагала — нужно больного найти», — эти строки Таисья Николаевна посвятила Киселевску, подругам своим.

Так вот, в своих записках она отмечает: в довоенное время в городе работали талантливые врачи, Н. А. Бакатина. Старожилы города чтут ее как специалиста, которому была доверена впоследствии работа в Кремлевской клинике. А. П. Скороход — этот хирург имел руки золотые и вдохновляющий оптимизм: «Да, я тебя вылечу — у тебя сердце как колокол», — так заставлял он надеяться на лучшее.

Д. А. Казаков, окулист, чтобы изжить трахому, сам обучал сестер специальным процедурам и направлял их по деревням. А. И. Свиридов, по воспоминанию Смирновой, основоположник хирургии в городе — он в 1934 году открывал по улице Пионерская отделение. А 79-летняя киселевчанка Каткова, которой в молодости Свиридов сделал сложную операцию, здравствует и поныне.

Щедра память на людей хороших. А. А. Лапина, старшая медсестра госпиталя, отмечает еще и Н. И. Чекан, терапевта; Э. М. Печникову, акушера-гинеколога.

Тогда медикам казалось, что они обеспечены всем необходимым. А что было-то: наряду с рентгеновскими, физиоаппаратами — печные автоклавы для стерилизации хирургического материала, инструментария; в Алексеевке кузнец-самородок изготовил щипцы для удаления ресниц с пораженных трахомой глаз...

По воспоминаниям очевидцев выходило так, что все раненые успешно выздоравливали в киселевском госпитале и возвращались в строй.

И все-таки припомнили: умер один солдат. А может, и не один? Я не к тому, чтобы разувериться в качественном труде медиков. А знаем ли мы, где схоронен тот умерший от ран боец? Поклоняемся ли праху рядового защитника Родины? А ведает ли мать, в какой дали от родного дома сынок ее оказался?

ТРУДНО вести будет следопытам этот поиск... А вот Анну Григорьевну Матвееву, операционную сестру госпиталя, найти очень просто — она, старенькая уже, живет одна на улице Ленина, 46-34. К ней, бывает, идут за советом — она рада, что нужна людям. Но вот в раздумьи обронила, как, мол, зиму буду зимовать — внук-то в армию ушел, некому уголь на третий этаж занести...

— Операционная была развернута в здании треста, — рассказывает А. Г. Матвеева.

Спрашиваю, не припомнит ли она самую длительную операцию — это, по моему разумению, даст представление о труде медиков госпиталя. Анна Григорьевна смотрит с укоризной.

— На часы-то никто не смотрел, оперировали столько, сколько надо было. Лето, жара, а ты работаешь в двух халатах, в маске — это было очень тяжело вынести, — вспоминает она.

И еще один штрих к портрету этой сестры милосердия: у А. Г. Матвеевой I группа крови, универсальная, так сказать. И потому-то ей чаще других приходилось давать кровь больным, у которых долго раны не заживали.

А вот припоминает Н. В. Григорьева. Прибыл раненый с осколком в артерии. Пока делали операцию, ему постоянно вливали кровь, сестринскую теплую кровь... Потом он смеялся: «Во мне нет ни капли своей крови». А сестры были довольны, что он живой!

— Мы все понимали, какое богатство доверила нам Родина — ее защитников, — говорит А. А. Лапина. Встреча, по ее желанию, состоялась в редакции. И я отметила тогда ее военные черты характера — четкость, аккуратность. Александра Александровна хоть и была призвана на передовую, на фронт не попала. Медсестры Киселевска проявили такой патриотизм, что разом в начале войны подали заявления в военкомат. Спохватилась А. М. Бабенко, а в горздраве всего одна сестра осталась. Оставили и Лапину, других. Спешно открыли курсы медсестер для школьниц, которые пришли в больницу, поликлиники.

Приведу лаконичный рассказ А. А. Лапиной о первом дне госпиталя.

— В конце сентября эвакопоезд привез с фронта первых 300 раненых. Принимали их на площади у треста. Мы ждали погибающих (в горячке не учитывали, что таких не повезешь в далекий тыл — по дороге потеряешь), а это были бойцы, которым требовалось длительное лечение и тщательный уход. От меня зависело — обеспечить вовремя госпиталь медикаментами, проконтролировать питание раненых.

От меня зависело...

ВСЕ ЛУЧШЕЕ было отдано городом в госпиталь — постельное белье, медицинские кадры, продукты. «Железной» Бабенко кое-кто предлагал: позволь сменить ветхое домашнее одеяло на госпитальное — дети мои, мол, и холодные, и голодные. Семья Бабенко — бабушка, трое детей — спала без простыней, под худыми одеялами. Но никому не позволила она даже притронуться к государственному добру.

Это она, Бабенко, так организовала санитарный режим в городе, что эпидемий во время войны не было. Вещи прибывших раненых тут же обрабатывались в жарокамерах. Уличные комитеты создали санитарные посты.

И все-таки, не все было так прекрасно. Вспышка менингита. Инфекцию надо было срочно отсечь от населения. Врачи, кажется, перепробовали все препараты. И тогда Бабенко благословила их на профессиональный риск.

Погибающей больной вводится сыворотка, которую дотоле не применяли в лечебной практике, но в специальной литературе, которую врачи срочно проштудировали, она была описана. И больная выжила.

Вот что значит фраза «от меня зависело»!

Личную ответственность несла и Н. В. Григорьева. Ее лабораторные исследования были отправной точкой лечения. Она вспоминает:

— На 13-й день с открытия госпиталя в Киселевск прибыл эвакуированный госпиталь из Харькова. Меня вызвал военврач Шуранов и приказал в 24 часа открыть лабораторию. Я выполнила приказ!

Она первая «видела» в окуляр микроскопа, как чувствует себя организм больного. Если по всем показателям выходило, что у раненого патологическое состояние, Григорьева несколько раз переделывала анализ. И только тогда выдавала его врачу. Однажды Н. А. Бакатина не поверила выданным ею анализам, которые показывали необходимость срочной операции, однако бойца взяли на операционный стол. Представляете состояние Григорьевой?! Бакатина оперировала долго — не ошиблась Наталья Васильевна.

Велико ее чувство ответственности за бойца было. Сестрам приходилось сопровождать раненых в голову, с ампутированными конечностями в госпитали Новосибирска, Томска, если они по чьему-то недосмотру попадали в киселевский, где лечили тех, кто может вновь встать в строй.

Везла она как-то 10 раненых в Томск. В Юрге вагон отцепили, сказали ждать 36 часов. Да как столько можно ждать, если выйдет весь молочный паек ее больных, которые и так истощены от того, что ранение пришлось в челюсть, сильно не нажуешь... Добилась-таки сестра моментальной отправки в Томск.

...Т. Н. Смирнова. Только пять лет пожила она с мужем, Михаилом Кирилловичем, нажили к началу войны они трех дочерей. Ушел на фронт Смирнов и погиб под Ростовом. Где было душевные силы брать ей, чтобы уметь не заботиться о своих крошках, когда заботишься о раненых? В письмах муж убеждал: «Война требует жертв». Таисья оставляла детей некормленными ею — надеялась, что перехватят они что-нибудь; уезжала на неделю, а то и больше в подсобное хозяйство горздрава, чтобы собрать вместе с выздоравливающими бойцами урожай для питания раненым. И не пелось ей, а пела ведь бойцам в палатах, только бы жили они.

ОПЕРАЦИОННАЯ сестра А. Г. Матвеева сама готовила рабочий материал. От качества обработки его зависел исход операции. И вот, чтобы материал был достаточно простерилизован, сестра в автоклав додумалась добавлять обыкновенную горючую серу. Если растопилась она — стерилизация была при необходимой температуре, значит, есть качество. Вот что значит личная ответственность! Когда госпиталь был реэвакуирован, Анна Матвеева, оставив маленького сына с бабушкой, по приказу вынуждена была выехать вместе с госпиталем в Галич, ближе к передовой. И только 25 октября 1945-го вернулась она домой с военной должностью «старшая хирургическая сестра», со значком «Отличник санитарной службы». Обхватил ее сын, проснувшись, за шею и закричал: «Мамочка, больше никогда войну не пущу тебя!».

Анна Григорьевна, возвращаясь к тем тяжким дням, как будто воочию видит раненых, до которых дотронуться было невозможно — все разбито.

— Наверно, тяжелее всего было санитаркам. Ведь таких больных и кормить надо было с ложечки, и носить на руках на перевязки, и переодевать так, чтобы тем не было больно. Так что помяните труд санитарочек, — просит она.

...Как-то зашла Н. В. Григорьева в сберкассу деньги получить. Рука от профессионального заболевания (какое напряжение требовалось от нее, рассмотревшей за свою 40-летнюю трудовую жизнь в микроскоп миллиарды живых клеток) вдруг затряслась — не может расписаться, как положено. Молоденькая оператор не выдержала, бросила в сердцах: «Сказала бы, что неграмотная».

По разному поводу проявляет человек горячность. Горячилась в своей большой жизни и Наталья Васильевна. Было это зимой. Ей, госпитальной лаборантке, поручили обследовать эвакуированных в чумышский детдом детей на «чертову заразу». 80 ручонок уколола она, наполнила штатив пробирками. Возле Кармана, в 4 часа дня, застала повозку пурга. Конь лег, обледенелый, подняться не может, а Наталья взяла под мышку штатив (разве ж можно будет еще раз колоть исхудавшие ручонки детей?!) и пошла в Киселевск. Кучер просил образумиться, переждать пургу, ведь в тулупах же они... Но Наталья шла часто сбиваясь с пути, но шла. В 6 утра она вползла на крыльцо здравпункта шахты № 3 и упала.

Нет, надо нам, молодым, успеть проторить дорогу и к памяти, и к судьбам.

Еще одна, третья мемориальная доска в память о милосердии и тяжком труде медиков в военном госпитале, появится на здании «белой» больницы, когда оно будет отремонтировано.

Л. ВАСИЛЬЕВА.

ГОРОД МОЕЙ СУДЬБЫ 50